

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ ПРИ ЭММАНУЭЛЕ МАКРОНЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

© 2019 г. А. Чихачев

*ЧИХАЧЕВ Алексей Юрьевич, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская на-
бережная, 7–9 (alexchikhachev@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 06.12.2018.

В условиях осложнения международной обстановки руководство Франции вынуждено уделять повышенное внимание вопросам обороны и безопасности. В статье проанализированы ключевые аспекты военной политики Пятой Республики с момента прихода к власти Э. Макрона. В частности, рассматривается личное отношение президента к военной сфере, доктринальные нововведения и некоторые практические шаги, осуществленные на начальном этапе его пребывания на посту. В каждом случае фиксируются актуальные тенденции французской военной политики, которые с высокой долей вероятности сохранятся в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: Франция, Эммануэль Макрон, военная политика, военная доктрина, стратегическая автономия, зарубежные операции, военно-промышленный комплекс, экспорт вооружений.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-82-90

Завершение президентского срока Ф. Олланда (2012–2017) совпало с резким расширением спектра угроз безопасности Европы в целом и Франции в частности. Террористические атаки в Париже и Ницце в 2015–2016 гг., нестабильность на Ближнем Востоке и в Сахеле, ухудшение отношений с Россией, трудности взаимопонимания с администрацией Д. Трампа в США – все эти факторы заставили усомниться в защищенности Пятой Республики в современном мире. Накануне выборов 2017 г. эксперты Французского института международных отношений (*IFRI*) заявили об угрозе утраты страной военно-политической автономии, на протяжении многих десятилетий считавшейся неоспоримой ценностью [1, pp. 27-29]. На этом фоне обеспечение обороноспособности государства должно было стать для следующего президента насущной необходимостью. Действительно, новый глава государства Э. Макрон сразу же включил армию и вопросы безопасности в число своих приоритетов.

В настоящей статье определены основные тенденции военной политики Франции, обозначившиеся с мая 2017 г., когда действующий президент пришел к власти. В первой части проанализировано личное отношение главы государства к оборонной сфере как таковой. Во второй рассмотрены доктринальные нововведения, изложенные руководством страны в новых основополагающих документах военной политики. В третьем разделе изучена практическая сторона проводимого курса – подход действующей власти к проведению

зарубежных операций и к национальному военно-промышленному комплексу (ВПК). В итоге выявлены стержневые черты военной политики Франции, свойственные ей в настоящее время, которые, скорее всего, не потеряют актуальности до конца президентства Э. Макрона.

ОТНОШЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА К ВОЕННОЙ СФЕРЕ

Согласно Конституции Пятой Республики 1958 г., военная политика формально находится в ведении двух властных институтов: президента (как верховного главнокомандующего) и правительства, где “ответственным за национальную оборону” считается премьер-министр [2]. Однако, по сложившейся во Франции традиции, основные решения в данной сфере всегда принимаются первым лицом, тогда как другие инстанции лишь претворяют их в жизнь. Такой порядок был введен еще президентом Ш. де Голлем (1958–1969), предпочитавшим держать военные вопросы под личным контролем [3, с. 314]. Этому же подходу придерживались и все его преемники, охотно оставлявшие оборону в своей “заповедной области”, даже когда их полномочия пытались оспорить премьер-министры от оппозиционных политических сил в периоды “сосуществований”.

Об отношении же нового главы государства к военным вопросам поначалу могло сложиться ложное впечатление, базирующееся на двух, казалось бы, красноречивых фактах из его биографии.

Во-первых, Э. Макрон стал первым президентом Пятой Республики, который не проходил срочную службу в рядах вооруженных сил. Полный перевод французской армии на контрактную основу завершился в начале 2000-х годов – как раз в то время, когда будущий руководитель страны получал высшее образование. Во-вторых, вся деловая и политическая карьера Э. Макрона до 2017 г. проходила вне силовых ведомств – в Генеральной инспекции финансов (*IGF*), банке *Rothschild & Cie*, аппарате президента Ф. Олланда, Министерстве экономики. Поэтому на первый взгляд могло показаться, что отработанный предыдущими президентами подход изменится: новый лидер будет вникать в военные вопросы как можно меньше, отдавая их на откуп ближайшим советникам и Министерству обороны.

Тем удивительнее, что буквально с первых дней у власти Э. Макрон начал демонстрировать заинтересованность в военной тематике, совсем не уступающую его предшественникам. За короткое время, с мая по июль 2017 г., он подкрепил свои намерения несколькими показательными жестами. Например, для проезда по Елисейским полям в день инаугурации он использовал военный, а не гражданский автомобиль; в кратчайшие сроки были организованы поездки на полуостров Иль-Лонг и в г. Истр¹; первый визит за пределы Европы состоялся в расположение французских войск в Мали. Выступая перед военнослужащими на базе в г. Гао, президент подчеркнул, что среди всех “здоровых сил нации”, к которым он, заняв свой пост, обращается со словами приветствия, первенство принадлежит именно представителям армии. Сам же он собирается быть “взыскательным, дающим четкие распоряжения и сведущим командиром” [4]. Естественно, подобные шаги имели в первую очередь символическое значение – продемонстрировать авторитет недавно избранного лидера. Вместе с тем они помогали и самому Э. Макрону вжиться в роль верховного главнокомандующего и, хотя бы в общих чертах, понять специфику военной сферы.

Однако подобная манера поведения быстро исчерпала себя из-за конфликта, имевшего место в июле 2017 г. между главой государства и начальником Генерального штаба П. де Вилье [5]. Поводом послужило поддержанное президентом предложение Министерства финансов временно заморозить часть бюджетных средств на оборонные нужды. Генерал подверг эту идею резкой критике, однако Э. Макрон посчитал ее выпадом в свой адрес и в итоге отправил начальника Генштаба в отставку. Случившееся не получило общественного одобрения (особенно в военной среде),

¹ Пункты базирования, соответственно, морских и воздушных ядерных сил Франции.

поэтому с тех пор действия президента стали более осторожными, а количество эффектных демонстраций свелось к минимуму. Одно из немногих напоминаний о личном авторитете первого лица в военных делах – фотография с совещания на командном пункте “Юпитер” под Елисейским дворцом, специально распространенная в прессе сразу после нанесения ударов по объектам в Сирии (13–14 апреля 2018 г.) [6]. В целом же взаимоотношения Э. Макрона с военными вошли в деловое русло как только новое руководство страны миновало “поствыборный” период и наладило работу по текущим вопросам. Временное снижение военных расходов, возмущившее П. де Вилье, впоследствии было с лихвой компенсировано (см. ниже о законе о военном планировании).

Тем не менее своей цели президент добился: единоначалие военной политики было подтверждено быстро и наглядно. На данный момент нет оснований полагать, что кто-либо из ближайшего окружения Э. Макрона вновь, как генерал П. де Вилье, позволил бы себе односторонне осудить проводимый курс. Очевидно, именно президент останется главным действующим лицом военной политики Франции – как было завещано предшественниками Э. Макрона, и как успел продемонстрировать он сам.

ОСОБЕННОСТИ НОВЫХ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Осуществив первичное знакомство с военной сферой, президент Э. Макрон подкрепил избранный им курс, помимо стилистики поведения, еще и содержательным наполнением. Прежде всего обновлению подверглись базовые документы, определяющие военную политику страны. Так, Белая книга 2013 г., принятая еще при Ф. Олланде и формально не потерявшая силу [7], нуждалась если не в полной замене, то хотя бы в развернутом дополнении, которое учитывало бы основные международные события 2014–2017 гг. По инициативе главы государства для разработки нового текста, развивающего положения Книги, была создана рабочая группа из военных, дипломатов и экспертов-международников. Возглавил группу бывший функционер Минобороны и Министерства иностранных дел А. Данжан. Результатом деятельности экспертов стал Стратегический обзор по вопросам обороны и национальной безопасности, изданный в октябре 2017 г. [8]

Этот документ характеризуют несколько отличительных особенностей. Во-первых, текущей международной обстановке в нем дана преимущественно негативная оценка. Общая мысль сводится к тому, что внешнеполитическая среда, в которой вынуждена действовать Франция, стремитель-

но ухудшается. Прежде всего, по мнению авторов Обзора, под угрозой оказался весь международный порядок как таковой: все большее количество игроков стремится к одностороннему укреплению собственной мощи, из-за чего соотношение сил в мире меняется непредсказуемо [8, pp. 17-19]. Параллельно возрастает уровень напряженности в отдельных регионах — в частности, в Сахеле, на Ближнем Востоке или на северной и восточной границах Евросоюза, где стремится “восстановить зону влияния” Россия [8, p. 23]. Конфликтный потенциал ряда других зон (например, Экваториальной Африки) также представляет собой угрозу безопасности Франции, даже если они находятся сравнительно далеко от ее собственной территории [8, pp. 20-28]. Обстановка в каждом регионе усугубляется разнообразными трансграничными угрозами — от расширения миграционных потоков до соперничества в киберпространстве.

Во-вторых, в Обзоре особо подчеркнута роль “жесткой” силы в мировой политике. С одной стороны, она остается основным инструментом в руках международного терроризма. С другой стороны, к силовым аргументам все чаще прибегают и государства. По мнению авторов, об этом свидетельствуют прецеденты использования химического оружия в Сирии и развитие ядерных программ Ирана, КНДР или Пакистана [8, pp. 38-41]. Отмечается, что для укрепления своих внешнеполитических позиций военный потенциал особенно активно используют Россия и КНР, “не только обладающие всем спектром вооружений и имеющие возможности зачастую шире европейских, но и модернизирующие вооруженные силы и ликвидирующие технологическое отставание” [8, p. 41]. В целом же, резюмирует Обзор, силовое противостояние государств сегодня разворачивается в четырех пространствах — морском, воздушном, космическом и цифровом. В каждом из них “общих регулирующих правил либо недостаточно, либо ими манкируют, предпочитая логику баланса сил” [8, p. 43].

В-третьих, в документе определены основные ориентиры развития военной политики Франции на ближайшие годы. Главным из них непременно должна остаться стратегическая автономия — “способность самостоятельно принимать решения и действовать для защиты своих интересов” [8, p. 56]. Согласно Обзору она будет обеспечиваться двумя способами: посредством собственно французских военно-политических возможностей и в различных союзных форматах (через участие в европейских оборонных инициативах, НАТО, двусторонних договоренностях, взаимодействии по линии ООН). Отдельной строкой проводится мысль о необходимости выстроить стратегическую автономию ЕС, в которую автономия Фран-

ции могла бы органично вписаться. Кроме того, по мысли авторов, Париж должен поддерживать широкий круг политических и военно-технических связей с государствами Ближнего Востока, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Австралией [8, pp. 64-65].

Для того чтобы Франция по-прежнему могла адекватно реагировать на возникающие угрозы, предлагается сохранить нацеленность вооруженных сил на полный спектр боевых задач: “ядерное сдерживание”, “защита национальной территории”, “знание и предвидение”, “вмешательство”, “предупреждение”. При этом роль ядерного потенциала считается первостепенной: он рассматривается в качестве высшей гарантии защиты и независимости страны, особенно когда “некоторые” державы используют свои ядерные силы в целях “демонстрации, устрашения и даже шантажа” [8, p. 73]. В связи с этим французское руководство намерено сохранить и воздушный, и морской компоненты своего ядерного арсенала, своевременно модернизируя средства доставки боезарядов, но руководствуясь при этом принципом строгой достаточности — как практически всегда и было при предшественниках Э. Макрона [9].

Помимо необходимости обновить положения Белой книги 2013 г., подобная расстановка акцентов в Обзоре объясняется тем, что с его помощью руководство страны рассчитывало доктринально обосновать грядущее повышение военных расходов (до 2% ВВП, согласованных на уровне НАТО). Как подчеркнула министр обороны Ф. Парли, Стратегический обзор 2017 г. “задал подход к следующему закону о военном планировании” (*Loi de programmation militaire, LPM*) [10] — то есть, к еще одному основополагающему документу военной политики Франции, в котором просчитывается финансирование военных нужд на несколько лет вперед. Срок действия предыдущей версии *LPM* (на период 2014–2019 г.) как раз подходил к концу, поэтому у правительства появилась удачная возможность перераспределить бюджетные средства, опираясь на аргументацию Стратегического обзора.

Новый закон, рассчитанный на 2019–2025 гг., удалось принять в первом же чтении: в Национальном собрании было подано 389 голосов “за” (правящая партия “Вперед, Республика!”, центристы и социалисты) и 37 “против” (коммунисты и “Непокоренная Франция”; “Республиканцы” воздержались), тогда как в Сенате 326 “за” (почти все фракции) и 16 “против” (крайне левые). Принципиальную роль для всей военной политики Франции в документе играют три показателя: объем военного бюджета, средства, выделяемые конкретно на военные операции, и изменение количества служащих Министерства обороны. Их ежегодные целевые значения представлены в табл. 1.

Таблица 1. Основные количественные показатели военной политики Франции по *LPM* 2019–2025 гг.

Наименование позиции	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Военный бюджет, в млрд евро	35.9	37.6	39.3	41.0	44.0	Будут определены позднее, исходя из экономической ситуации в стране	
Финансирование зарубежных военных операций и внутренних миссий, в млрд евро	0.85	1.1	1.1	1.1	1.1		
Прирост кадрового состава Минобороны, количество человек	+450	+300	+300	+450	+1500	+1500	+1500

Составлено автором по данным: [11, pp. 1-2].

Для корректной трактовки приведенных показателей необходимо сделать ряд замечаний. Так, под военным бюджетом в тексте *LPM* понимаются траты только на непосредственные военные нужды (закупки новой техники и зарплаты действующим военнослужащим, но, например, не военные пенсии). Именно их предполагается довести до планки в 2% ВВП, повышая траты как минимум на 1.7 млрд евро в год. Объем средств на 2024–2025 гг. пока точно не определен, но косвенное указание на него в тексте все же имеется: при благоприятной конъюнктуре военные расходы на данном отрезке должны расти уже по 3 млрд евро [11, p. 60]. Соответственно, по предварительным расчетам, на заключительном этапе действия закона военные расходы вырастут до 47 и 50 млрд евро. В связи с этим специальный докладчик парламентской комиссии по финансам Ф. Корню-Жантиль (от оппозиционных “Республиканцев”) справедливо обратил внимание на риски, заложенные в тексте документа: основная бюджетная нагрузка предусмотрена на те годы, когда мандат нынешнего президента уже закончится [12]. Однако по настоянию правительства итоговый текст *LMP* не претерпел изменений в этой части.

Что касается финансирования военных операций, то здесь следует обратить внимание не столько на абсолютное увеличение сумм, сколько на расширение ответственности Минобороны. Ранее использование вооруженных сил внутри страны (операция “Часовой”) и за рубежом (“Бархан”, “Шаммаль” и др.) спонсировалось правительством на коллективной основе: из средств военного ведомства и ежегодной помощи от других министерств. Отныне же Минобороны будет получать больше ресурсов само по себе, но взамен не сможет рассчитывать на дополнительные резервы коллег. Таким образом, армейскому ведомству придется еще тщательнее просчитывать, во сколько обойдется применение тех или иных сил и средств на поле боя. Естественно, военным такое решение не пришлось по нраву: начальник Генштаба Ф. Лекуантр аккуратно (помня судьбу П. де Вилье) выражал беспокойство, что новые показатели финансирования операций по факту окажутся “недостижимыми” и “опасными” [13].

Наконец, увеличение численности кадров (как военнослужащих, так и гражданских) внешне вы-

глядит достаточно скромно – всего 6 тыс. человек за семь лет. Однако оно становится более симптоматичным, если вспомнить, что на протяжении двух последних десятилетий французские вооруженные силы, наоборот, стремительно уменьшались благодаря переводу армии на контрактную основу. Правительство таким образом дает понять, что теперь этот курс приостановлен, а дальнейшие сокращения несовместимы с поддержанием обороноспособности страны. Половина из упомянутых 6 тыс. должна усилить разведывательные службы и сферу кибербезопасности [11, p. 44].

Еще одним важным элементом нового *LPM* является список военной техники, планируемой к разработке, приобретению и поставке в войска за ближайшие семь лет. Руководствуясь этим списком, правительство рассчитывает равномерно оснастить все виды вооруженных сил, в том числе ядерный арсенал, чтобы каждый из них соответствовал поставленным задачам.

Что касается ядерного потенциала, то в целях его своевременной модернизации предусмотрено:

- 1) начать проектирование следующего поколения стратегических подлодок (на смену типу “Триумфан”);
- 2) полностью перевести воздушную компоненту на единственный самолет-носитель (“Рафаль”);
- 3) принять на вооружение баллистическую ракету подводных лодок *M51.3*;
- 4) разработать новую крылатую ракету воздушного базирования *ASN4G* [11, p. 49].

Одновременно намечена обширная программа закупок и обычных вооружений: ее наиболее существенные статьи представлены в табл. 2. При прочтении указанного перечня важно понимать, что большинство видов техники будет приобретаться, скорее всего, на замену предыдущим образцам, а не в дополнение к ним. В частности, такая ситуация прогнозируется в сегменте бронемашин, где особая ставка делается на новые “Ягуары” и “Грифоны”, а их предшественники (*AMX-10 RC*, *ERC-90*, *VAB*) списываются в пропорциональных количествах. По этому же принципу корабли УРО типа “Аквитания” должны функционально заместить устаревающие фрегаты типов “Жорж Леги”

Таблица 2. Основные приоритеты поставок обычных вооружений по *LPM* 2019–2025 гг.

Техника	Имеется на начало 2019 г.	Должно быть к концу 2025 г.
Сухопутные войска		
Боевые машины “Ягуар”	0	150
Боевые машины “Грифон”	3	936
Легкие бронев автомобили <i>VBMR</i>	0	489
Вертолеты <i>NH90</i>	36	70
Танки “Леклер”	241	200, из них 122 модернизированы
Бронев автомобили <i>VBL</i>	1394	1387, из них 733 модернизированы
ВМФ		
Атомные подлодки типа “Сюффрен” (проект “Барракуда”)	0	4
Фрегаты типа “Аквитания”	5	8
Фрегаты типа <i>FTI</i>	0	2
Самолеты “Атлантик 2”	18	18 (все модернизированы)
ВВС		
Истребители “Рафаль”	143	171
Самолеты-заправщики <i>A330 MRTT</i>	1	12
Транспортные самолеты <i>A400M</i>	14	25
Транспортные самолеты <i>C-130H</i>	14	14 (все модернизированы)
Самолеты ДРЛО <i>E-3F</i>	4	4 (все модернизированы)

Составлено автором на основе данных: [11, р. 52].

и “Кассар”, АПЛ “Сюффрен”/“Барракуда” – подлодки “Рюби”, истребители “Рафаль” – своих предшественников “Мираж-2000” и т.д. Кроме того, в отдельных случаях предусмотрено не серийное производство новых моделей, а модернизация некоторой доли уже имеющихся машин (танки “Леклер”, самолеты “Атлантик 2” и др.).

Таким образом, и Стратегический обзор 2017 г., и *LPM* 2019–2025 демонстрируют еще одну магистральную тенденцию военной политики Франции на ближайшие годы: правительство осознает значение вооруженных сил для поддержания обороноспособности страны (тем более в нынешнем международном контексте) и готово направлять новые бюджетные средства на их укрепление. Правда, двигаться по этому пути Э. Макрон предлагает постепенно, подразумевая, что выход на искомый показатель в 2% ВВП произойдет, в лучшем случае, на его втором сроке (в 2023–2025 гг., в 2022 г. состоятся очередные президентские выборы). Так или иначе, полная реализация намеченных планов главы государства подразумевает

благоприятную экономическую ситуацию в стране. В противном случае возникнет вопрос о сокращении других статей государственных расходов, что вряд ли окажется популярным ходом. Напротив, срочные меры правительства по разрешению социально-экономического кризиса, связанного с протестами “желтых жилетов”, уже потребовали немалых средств, которые могли бы быть пущены на оборонные нужды.

ПРАКТИКА ИЗБРАННОГО КУРСА: ЗАРУБЕЖНЫЕ ОПЕРАЦИИ И ВПК

За символическими жестами и обновлением документации в сфере обороны и безопасности последовали практические шаги. В этом смысле президентский почерк Э. Макрона ярче всего проявился на двух важнейших направлениях: в проведении зарубежных операций и взаимодействии с национальным военно-промышленным комплексом.

При нынешнем верховном главнокомандующем Франция пока не открыла новых театров военных действий вне собственных границ. Однако те из них, что достались по наследству от Ф. Олланда, стали ареной весьма высокой активности нового руководства страны. Так, была скорректирована сама типология французского вмешательства в конфликты. Следует напомнить, что по Белой книге 2013 г. Пятая Республика могла использовать свои вооруженные силы в операциях трех видов:

- 1) собственных (автономных, полностью французских);
- 2) коалиционных с крупным французским участием и существенным влиянием на принимаемые решения;
- 3) коалиционных с малым французским участием и под командованием союзной державы [7, р. 83].

Однако в Стратегическом обзоре 2017 г. эта градация была переформулирована ради более гибкого подхода – так, чтобы учитывалась не только степень участия Франции в боевых действиях, но и формы применения французских войск. Теперь подразумевается, что боевые действия могут вестись тремя способами [8, р. 76]:

- 1) “прямое вмешательство”, когда Франция сначала проводит интервенцию самостоятельно, а впоследствии формирует альянс под своей эгидой (по “сахельскому” образцу);
- 2) участие в операции в составе широкой международной коалиции (по “ближневосточному” или “афганскому” образцу);
- 3) поддержка операций ООН и ЕС по урегулированию кризисов.

Нетрудно заметить, что данная классификация создавалась на основе уже проводимых экспедиций, поскольку некоторые из них даже упоминаются в документе как типовые. Следует напомнить, что на момент прихода Э. Макрона к власти Франция располагала развернутыми контингентами в рамках сразу нескольких зарубежных операций с различными спектрами задач [14]:

- “Бархан” (в пределах Чада, Нигера, Буркина-Фасо, Мали и Мавритании);
- “Шаммаль” (в Ираке и Сирии);
- “Коримб” (в Гвинейском заливе);
- “Даман” (в Ливане в рамках миссии ООН *UNIFIL*);
- *EU NAVFOR*/“Аталанта” (у берегов Сомали в рамках операции Европейского союза).

Наиболее крупной и одновременно самой затруднительной среди них остается “Бархан”. Данная операция проводится уже не один год: с 2013 г. — в Мали (под названием “Сервал”), где в то время разразился конфликт между центральной властью и туарегами на северо-востоке страны; с 2014 г. — в нынешних очертаниях на территории уже всех стран “сахельской пятерки” (*G5*). По состоянию на февраль 2019 г. в операции задействованы: 4,5 тыс. человек личного состава, 470 единиц бронетехники, 360 автомобилей снабжения, 21 вертолет, семь истребителей, три беспилотных летательных аппарата, от шести до 10 транспортных самолетов [15, р. 14].

Однако эти силы и средства пока не приносят окончательной победы в силу как минимум двух факторов. Во-первых, зона боевых действий обширна и специфична с точки зрения природных условий, что приводит к чрезмерному рассредоточению сил и осложняет снабжение. Например, морские коммуникации французского контингента проходят через три порта — Дакар (Сенегал), Абиджан (Кот-д’Ивуар), Дуала (Камерун) [15, р. 17], — но расстояние от них до главной базы в г. Гао составляет, самое меньшее, 1800 км (по прямой из Абиджана). Во-вторых, противоположная сторона конфликта — “Группа по поддержке ислама и мусульман” (*JNIM*) и другие подобные террористические формирования — не снижает свою активность, продолжая мелкие атаки на военные и гражданские объекты. По словам экспертов Института Ближнего Востока, осложняет ситуацию тот факт, что в Сахеле терроризм плотно сросся с различными видами преступного бизнеса (торговлей наркотиками, оружием и людьми), из-за чего полное перекрытие каналов поддержки местных группировок становится крайне затруднительным [16].

В силу названных обстоятельств Э. Макрон стремится обеспечить широкую дипломатическую поддержку операции “Бархан” на различных пло-

щадках. Так, реализована идея совместных вооруженных сил стран “сахельской пятерки” в размере до 5 тыс. человек, находившаяся в проработке уже несколько лет. По предложению Франции Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 2359, в которой приветствовалось появление этих сил [17], после чего на саммите в Бамако 2 июля 2017 г. их создание подтвердилось окончательно. Правда, французской дипломатии пришлось отдельно решать вопрос финансирования нового контингента, поскольку сами страны Сахеля оказались не готовы взять на себя всю сумму, необходимую для его полного развертывания. В итоге разделить затраты в разных пропорциях согласились ЕС, США, Саудовская Аравия и ОАЭ [18]. Параллельно с учреждением сил *G5* по резолюции № 2364 был продлен мандат миротворческой миссии *MINUSMA* (до 30 июня 2018 г., затем еще раз до 30 июня 2019 г.) общей численностью в пределах 15 тыс. человек [19]. Наконец, по итогам совместного заседания правительств Франции и ФРГ в июле 2017 г. была запущена новая многосторонняя инициатива — “Альянс сил в пользу Сахеля” (*Alliance pour le Sahel*), который должен объединить усилия всех стран и международных организаций, стремящихся оказать содействие восстановлению региона [20].

Пример операции “Бархан” демонстрирует суть подхода Э. Макрона к применению военной силы, который он сам описал в виде “трех *D*”. С точки зрения президента, любая миротворческая операция должна иметь три составляющие [21]:

- собственно военную (*Défense*): победу над противником в зоне конфликта;
- развитие местных государств (*Développement*): обучение местных армий, восстановление институтов, укрепление экономики, образования и здравоохранения;
- дипломатическое сопровождение действий Франции (*Diplomatie*) с опорой на уже существующие альянсы и временные объединения “по обстоятельствам”.

Эту же триаду руководство страны в целом пытается применить и на ближневосточном направлении, где к ней добавляется еще один концепт — так называемые красные линии, своеобразные пределы допустимого в войне. По логике Э. Макрона, при оценке ситуации в Сирии французская дипломатия всегда должна учитывать определенные критерии: использовала ли одна из сторон конфликта химическое оружие и блокировалась ли доставка гуманитарных грузов населению. Если хотя бы одна из этих норм была нарушена, Франция вместе с ближайшими союзниками оставляет за собой право дать разовый военный ответ (как это произошло 13–14 апреля 2018 г.), чтобы “заставить уважать международное право и заявить, что демо-

кратии и международное сообщество не на слабой стороне” [22]. По мнению официального Парижа, подобные удары не являются актом агрессии против сирийского государства и по смыслу никак не противоречат антитеррористической операции “Шаммаль” [22].

Таким образом, заметна третья тенденция политики Э. Макрона: для проведения зарубежных операций и миссий в расчет принимается не только боевая составляющая, но и дипломатическое сопровождение. Показательна ставка на многосторонний подход: Франция предпочитает найти как можно больше союзников, а не завершать все ныне идущие операции в одиночку.

Что касается национального ВПК, то здесь основной тенденцией является намерение правительства оказывать поддержку оборонной отрасли для сохранения научно-технической и производственной автономии, а также широты спектра выпускаемой техники и оборудования. Подобная позиция не случайна, если вспомнить, что на сегодняшний день французская военная промышленность, отличающаяся диверсифицированной структурой, занимает весьма заметное место в мире. Например, в международном рейтинге оборонных предприятий “Топ-100”, составляемом американским изданием *Defence News*, ВПК Пятой Республики регулярно представлен фирмами различных профилей. В 2018 г. компания *Airbus* (авиация) заняла в этом рейтинге седьмое место, *Thales* (электроника) – девятое, *Naval Group* (кораблестроение) – 18-е, *KNDS* (бронетехника) – 33-е, *Dassault* (авиация) – 44-е, *Safran* (электроника) – 53-е [23]. В общей сложности, по данным из Стратегического обзора 2017 г., в национальной оборонной отрасли действует около десятка компаний мирового масштаба и порядка 4 тыс. средних и малых предприятий, обеспечивающих 200 тыс. рабочих мест (преимущественно с требованием высокой квалификации) и положительно влияющих на торговый баланс страны [8, р. 66].

Для поддержки ВПК правительство, скорее всего, будет комбинировать три метода.

Во-первых, оборонные предприятия обеспечит заказами сама французская армия: новый закон о военном планировании с длинным перечнем необходимой техники служит тому подтверждением.

Во-вторых, с наименьшей активностью будет развиваться сотрудничество с партнерами по ЕС, тем более что Э. Макрон уже неоднократно призывал укрепить общеевропейскую оборонную политику. Так, благоприятным фоном для развития французского ВПК служит программа Постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*), запущенная в 2017 г. Ее формат, в частности, предусматривает, что из Европейского фонда обороны могут поддерживаться научные и технические раз-

работки, проводимые несколькими странами сообща [24]. Следовательно, для французских компаний, активно кооперирующихся с европейскими партнерами, это может стать ценным источником компенсации первоначальных производственных затрат. Кроме того, в программе *PESCO* Париж уже сейчас отвечает за конкретные технологические проекты – например, радиосистему *ESSOR*, в проектировании которой, как нетрудно предположить, ведущую роль должны сыграть именно французские производители военной электроники (*Thales, Safran*). На двустороннем уровне, но в развитии духа *PESCO*, прорабатываются и более масштабные идеи, – например, проектирование совместного франко-немецкого истребителя и танка (последний стал более реальным благодаря слиянию фирм *Nexter* и *KMW* в общую группу *KNDS*) [20]. При этом, по логике французского руководства, все подобные проекты не должны ослаблять стратегическую автономию Пятой Республики, поскольку реализуются на условиях полного сохранения производственных компетенций во Франции или хотя бы при взаимной зависимости сторон [8, р. 68].

В-третьих, значительное внимание будет уделяться экспорту вооружений, тем более что здесь от предыдущего президента осталось весьма неплохое наследство. Если до 2012 г. средняя совокупная стоимость подписанных за год контрактов составляла примерно 6 млрд евро, то при Ф. Олланде этот показатель достигал 16.9 (2015 г.) и 14 (2016 г.) млрд евро [25, р. 14]. Подобный скачок помогли обеспечить прежде всего выгодные продажи истребителя “Рафаль” в Египет, Катар и Индию. Несмотря на резкое падение в “выборный” 2017 г. (всего 6.9 млрд евро), Министерство обороны рассчитывает быстро наверстать упущенное, поскольку некоторые подписанные соглашения были рассчитаны на вступление в силу уже в 2018 г. или готовились к проработке в 2019 г. [25, р. 12]. В целом же, как следует из отчета Минобороны о военном экспорте за 2017 г., основными рынками сбыта французских вооружений являются Ближний Восток (Саудовская Аравия, Катар, Египет, Марокко), Южная/Юго-Восточная Азия (Индия, Сингапур), Латинская Америка (Бразилия), а также США и Великобритания [25, р. 14]. Скорее всего, именно на эти страны и регионы по-прежнему будет делаться особая ставка для закрепления имеющихся позиций.

* * *

Таким образом, военную политику Франции при Э. Макроне пока отличают четыре тенденции:

1) высокий личный интерес первого лица к военным вопросам, пусть в первое время и обусловленный скорее соображениями имиджа;

2) готовность руководства страны стабильно финансировать военные нужды, закреплённая в новых основополагающих документах;

3) при проведении зарубежных операций – активная дипломатическая работа, направленная прежде всего на поиск союзников;

4) намерение полностью сохранить автономию национального военно-промышленного комплекса.

Все отмеченные тенденции имеют системобразующее значение для курса Э. Макрона в военной сфере, а значит, с высокой долей вероятно-

сти будут наблюдаться до самого завершения его президентства. Следует предположить, что к их изменению может привести только максимально убедительный повод (например, кардинальное изменение международной обстановки или продолжительный экономический кризис в стране), который заставил бы в корне пересмотреть всю оборонную повестку дня. В его отсутствии Э. Макрон, скорее всего, будет стремиться к постепенному достижению намеченных ориентиров, из года в год выдерживая преемственность в своей военной политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Gomart T., Hecker M., eds. L'agenda diplomatique du nouveau président. *Etudes de l'Ifri*, 2017, Avril, 72 p. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_agenda_diplomatique_nouveau_president_2017.pdf (accessed 17.05.2019).
- Constitution du 4 octobre 1958*. Version consolidée au 17 mai 2019. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000006071194> (accessed 17.05.2019).
- Арзаканян М.Ц. *Великий де Голль. “Франция – это я!”* Москва, Яуза: Эксмо, 2012. 512 с. [Arzakanyan M. Ts. *Velikii de Goll'. “Frantsiya – eto ya!”*] Moscow, Yauza: Eksmo, 2012. 512 p.]
- Macron E. *Discours sur la base Barkhane. Gao (Mali, 19 Mai 2017)*. Available at: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-sur-la-base-barkhane/> (accessed 17.05.2019).
- Сидоров А.С. Оборона и безопасность: новый президент – старые вызовы. *Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути. Сборник статей по итогам II Всероссийской научной конференции франковедов*. Москва, ИМЭМО РАН, 2018, сс. 193–199. [Sidorov A.S. *Oborona i bezopasnost': novyi prezident – starye vyzovy* [Defense and Security: New President, Old Challenges]. *Frantsiya pri prezidente Emmanuele Makrone: v nachale puti. Sbornik statei po itogam II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii frankovedov* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point. Collection of articles on the results of the II all-Russian scientific conference of the French]. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 193–199.]
- Trump, Macron et May ont frappé la Syrie cette nuit. *La Tribune*, 14.04.2018. Available at: <https://www.latribune.fr/economie/international/trump-macron-et-may-ont-frappe-la-syrie-cette-nuit-775365.html> (accessed 17.05.2019).
- Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale 2013*. Paris, Direction de l'information légale et administrative, 2013. 160 p. Available at: www.defense.gouv.fr/content/download/206186/2286591/file/Livre-blanc-sur-la-Defense-et-la-Securite-nationale%202013.pdf (accessed 17.05.2019).
- Revue stratégique de défense et de sécurité nationale 2017*. Paris, Ministère des Armées, 2017. 109 p. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/content/download/514684/8664656/file/2017-RS-def1018.pdf> (accessed 17.05.2019).
- Тимофеев П. Особенности ядерной политики Франции в начале XXI века. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, том 61, № 4, сс. 81–90. [Timofeev P. *Osobennosti yadernoi politiki Frantsii v nachale XXI veka* [Specifics of French Nuclear Policy at the Beginning of the 21st Century]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 4, pp. 81–90.] DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-81-90
- Séance du 24 octobre 2017 (compte rendu intégral des débats)*. Available at: <https://www.senat.fr/seances/s201710/s20171024/s20171024007.html> (accessed 17.05.2019).
- Loi no. 2018–607 du 13 juillet 2018 relative à la programmation militaire pour les années 2019 à 2025 et portant diverses dispositions intéressant la défense*. Available at: https://www.defense.gouv.fr/content/download/537438/9236760/file/joe_20180714_0161_0001.pdf (accessed 17.05.2019).
- Guibert N. Premières réactions contre les fragilités de la loi de programmation militaire. *Le Monde*, 08.02.2018. Available at: https://www.lemonde.fr/politique/article/2018/02/08/premieres-reactions-contre-les-fragilites-de-la-loi-de-programmation-militaire_5253964_823448.html (accessed 17.05.2019).
- Cabirol M. Sincérisation du budget de la défense, un arme contre les armées? *La Tribune*, 06.09.2017. Available at: <https://www.latribune.fr/entreprises-finance/industrie/aeronautique-defense/sincerisation-du-budget-de-la-defense-une-arme-contre-les-armees-749261.html> (accessed 17.05.2019).
- Opérations. Ministère des Armées*. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/operations> (accessed 17.05.2019).
- Opération Barkhane. Dossier de presse. Ministère des Armées*. (Février 2019). 22 p. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/operations/barkhane/dossier-de-presentation/operation-barkhane> (accessed 17.05.2019).
- Быстров А.А. *О росте террористической активности в зоне Сахеля*. [Bystrov A.A. *O roste terroristicheskoi aktivnosti v zone Sakhelya* [On the Terrorism Boost in Sahel]]. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=38526> (accessed 17.05.2019).
- Resolution 2359 (2017) Adopted by the Security Council at its 7979st meeting, on 21 June 2017*. Available at: [https://undocs.org/en/S/RES/2359\(2017\)](https://undocs.org/en/S/RES/2359(2017)) (accessed 17.05.2019).

18. Stroobants J.-P. Le financement de la force G5 Sahel assuré, mais pour un an seulement. *Le Monde*, 23.02.2018. Available at: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2018/02/23/sahel-macron-affirme-la-determination-entiere-des-dirigeants-europeens_5261613_3212.html (accessed 17.05.2019).
19. *Resolution 2364 (2017) Adopted by the Security Council at its 7991st meeting, on 29 June 2017*. Available at: [https://undocs.org/en/S/RES/2364\(2017\)](https://undocs.org/en/S/RES/2364(2017)) (accessed 17.05.2019).
20. *Conseil des ministres franco-allemands*. 13.07.2017. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/07/13/dossier-de-presse-conseil-des-ministres-franco-allemand> (accessed 17.05.2019).
21. Macron E. *Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs*. 29.08.2018. Available at: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs/> (accessed 17.05.2019).
22. *Macron, un an après: le grand entretien en intégralité*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=mt0as7x-kfs> (accessed 17.05.2019).
23. Top-100 for 2018. *Defence News*. Available at: <http://people.defensenews.com/top-100/> (accessed 17.05.2019).
24. *Notification on Permanent Structured Cooperation (PESCO) to the Council and to the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy*. 13.11.2017. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113-pesco-notification.pdf> (accessed 17.05.2019).
25. *Rapport au Parlement 2018 sur les exportations d'armement de la France. Ministère des Armées*. (Juin 2018). Available at: <https://www.defense.gouv.fr/content/download/536160/9221135/file/RAP%202018%20-%20Exportations%20armement%20de%20la%20France.pdf> (accessed 17.05.2019).

**FRENCH DEFENSE POLICY UNDER PRESIDENT EMMANUEL MACRON:
MAJOR TRENDS**

(*World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 8, pp. 82-90)

Received 06.12.2018.

Aleksei Yu. CHIKHACHEV (alexchikhachev@gmail.com),

Saint-Petersburg University, 7–9, Universitetskaya Nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

This article explores the President Emmanuel Macron's approach to defense and security policy of France. Due to a current degradation of international environment, Macron tries to preserve French strategic autonomy and pays great attention to the armed forces agenda. The point of the article is that Emmanuel Macron's activity in this sphere now consists of four stable trends. First, the President is prone to demonstrating a personal attitude toward military issues. Since his first days in office, Macron used various politically motivated symbols to reassert his Supreme Commander-in-Chief status, even if it could lead to a confrontation with the militaries. Second, the President seeks to update French military doctrine by the approval of new strategic documents. He already initiated the drafting of Strategic Review (2017) and Military Planning Law (2019–2025) which contained a set of policy priorities including the respect of NATO's two-percent rule. Third, Emmanuel Macron considers overseas military operations in a comprehensive manner. According to him, any intervention should be complemented by diplomatic and development efforts to ensure peace and prosperity for a long time. The case of the "Barkhane" operation in Sahel is very typical in this respect, because there France relies not only on its own armed forces, but also on regional powers (G5 countries), European allies (Germany in particular) and international organizations (especially the UN bodies). Fourth, the government is going to support national defense industry to keep a large scale of its competences, technologies and production lines. For this reason, several means are expected to be used, such as cooperation with European partners or arms export. The conclusion is that the extension of these trends still depends on international and economic context, but Emmanuel Macron is likely to follow them right to the end of his presidency.

Keywords: France, Emmanuel Macron, defense policy, military doctrine, strategic autonomy, overseas operations, military industry, arms export.

About author:

Aleksei Yu. CHIKHACHEV, Post-Graduate Student.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-82-90